

Ван Сюань легонько потянул Гоуданя за рукав. Тот очнулся и отвёл взгляд от исхудалых, черных от грязи ребятишек — новоявленных брата и сестры. Какое ему до них дело? Они друг друга знать не знали.

— Собирайтесь побыстрее, — буркнул Гоудань, повернувшись к матери. — Поедем вместе.

Ван Сюань, видя их нерешительность, заволновался и мягко подтолкнул женщину в плечо:

— Тётушка, ну же, поторапливайтесь. У брата Гоуданя времени в обрез, каникулы со дня на день закончатся. Надо вернуться в город и поскорее всё обустроить, нам ведь ещё в университет возвращаться.

Немая тётушка так и застыла. Мысль о том, что она может помешать сыну, испугала её до дрожи. Больше она не думала о приличиях или отказах. Всё, что её сейчас заботило, — не стать обузой и не сорвать Гоуданю учёбу. Подхватив испуганных детей, она лихорадочно принялась собирать вещи.

Гоудань стоял в стороне как вкопанный, не в силах сдвинуться с места. Ван Сюань заглянул в каморку и, заметив, что несчастная женщина пытается уложить в узел даже надколотые глиняные чашки, вздохнул и поспешил на помощь.

— Берите только одежду, — мягко остановил её Ван Сюань. — Всё остальное оставьте здесь. В городе всё есть, мы купим новое.

Хлам бросили на месте. Впрочем, вещей у них и так почти не водилось — то ли они потеряли всё по дороге, когда возвращались в деревню, то ли нищета сопровождала их всю жизнь.

На пороге, когда они уже собирались уходить, выросли двое местных. С подобострастными, заискивающими улыбками они назвались дядей и тётей Гоуданя, силясь признать в статном городском юноше своего племянника. Гоудань смерил их ледяным взглядом.

— Никаких дядей и тётей я знать не знаю и в них не нуждаюсь, — отрезал он. — Раз уж вы в своё время знать не хотели мою мать, то и сейчас не смейте навязываться в родственники. И чтобы духу вашего рядом с нами больше не было.

Вернувшись в посёлок Сяньгоу, Гоудань сунул пачку купюр Цичжи и попросил его приглядеть за оставшимися друзьями.

— У меня срочные дела, выручи, — коротко объяснил он. — Угости ребят как следует. Вернусь — сочтёмся, сам со всеми посижу.

Парни отнеслись к ситуации с пониманием. Гоудань и Ван Сюань, не теряя ни минуты, поспешили на автостанцию, чтобы пересесть на автобус до уездного города.

Глядя на жмущихся друг к другу испуганных родственников, Гоудань чувствовал, как у него начинает раскалываться голова. Мать немая, дети совсем ещё несмышлёныши — как оставить их одних в чужом городе? Сердце было не на месте при мысли, что они останутся без присмотра.

Ван Сюань сразу заметил замешательство друга. Достав из кармана леденцы, он раздал их притихшим детям и принялся негромко расспрашивать их о пережитом. Малыши понемногу оттаяли, несвязный рассказ то и дело дополняла отчаянными жестами немая тётушка. Из этих обрывков Гоудань постепенно сложил общую картину их мытарств.

Сначала, когда мать ушла с тем чужаком, жизнь у них складывалась неплохо. Мужчина оказался хватким и ушлым — умел вертеться и копить копейку. Однако со временем гайки для бродячих торговцев стали закручивать всё сильнее, и семье пришлось вернуться на его малую родину. Жили небогато, но тихо и мирно. Беда пришла два года назад: глава семейства тяжело заболел и умер. Сбережения растаяли без остатка, а заступиться за вдову с сиротами было некому — у покойного не осталось близких. Пользуясь беззащитностью немой женщины, односельчане сначала изводили её придирками, а потом и вовсе отобрали дом с клочком земли, выставив несчастных на улицу.

В глухих, заброшенных деревнях людская злоба не знает границ, особенно когда жертва слаба и не может дать сдачи.

Оставшись без крыши над головой, несчастная мать решилась на отчаянный шаг — забрать детей и пробираться в родную деревню Сяопинъюань. Без единого гроша в кармане, не умея ни читать, ни писать, не способная вымолвить ни слова, она шла пешком. Сбивалась с пути, возвращалась назад, просила милостыню на дорогах. Лишь благодаря тому, что когда-то она колесила по стране вместе с мужем, в её памяти сохранились смутные ориентиры.

Она рассказывала об этом простыми, робкими жестами, но у Гоуданя от её объяснений щемило сердце. Сколько же лишений им пришлось вынести!

Гоудань не стал расспрашивать дальше — беречь старые раны не хотелось.

— Угол я вам найду, жить есть где, — хмуро произнёс он. — А вот с пропиской придётся повозиться. Дело это долгое и непростое.

В те годы в глуши многие годами жили без документов и даже не думали их оформлять — крестьяне редко покидали родные края, проводя всю жизнь на одном месте. Но если эти двое должны были пойти в школу, без официальной бумаги было не обойтись.

В этот приезд времени у них оставалось в обрез. Серьёзными делами можно будет заняться только на зимних каникулах. Впрочем, глядя на мать, Гоудань понимал: женщина, преодолевшая тысячи ли пешком и сберегшая детей, больше не была той забитой и беззащитной тихоней, которой он её помнил. Жизнь закалила её характер.

— Этот дом мы купили вместе с Ван Сюанем, — сказал Гоудань, отпирая массивный замок на воротах небольшого подворья на окраине уездного города. — С тех пор как мы уехали учиться, тут никто не живёт. Отец время от времени заглядывает прибраться. Дом старый, но добротный, кирпичный, крышу недавно перекрыли новой черепицей. Не бойтесь, отец сюда больше не придёт, я ему всё объясню.

— Земли во дворе достаточно, к осени успеешь посадить какую-нибудь зелень, — продолжил он, показывая хозяйство. — Посуда и утварь здесь есть, кан исправен, греет хорошо. Останется только прикупить риса, масла да приправ. В углу двора колодец, так что с водой проблем не будет. И главное — здесь проведено электричество, керосиновые лампы жечь не придётся.

— Вот так. Сейчас мы с Ван Сюанем сходим на рынок за самым необходимым. Пускай она, — Гоудань указал на старшую девочку, — пойдёт с нами. Заодно запомнит, где тут лавки и магазины. Вы все истощены до предела, так что о работе пока даже не думайте. Сначала подлечитесь, наберитесь сил, а после Нового года я подыщу тебе какое-нибудь дело. Договорились?

Мать поспешно закивала. На её лице читалась такая робость и благодарность, что она не смела перечить сыну ни в чём, соглашаясь на любые его условия.

Гоудань со вздохом перевёл взгляд на детей. Обноски на них едва держались, штанины и рукава были безбожно малы, а на ногах — ни обуви, ни носков, только загрубевшая от долгой ходьбы грязь. Ну что за напасть... Как тут останешься в стороне? Придётся брать всё в свои руки.

Старшей девочке, Сяохун, было двенадцать — истощённая, с болезненной желтизной на лице, она казалась совсем хрупкой. Младшему братишке шёл седьмой год. Он унаследовал от матери огромные, чистые глаза, но стоило Гоуданю повернуться к нему, как мальчишка испуганно забился за спину сестры. Гоудань нахмурился.

«Мальчишка, а труслив как заяц... Что за характер? — подумал он с досадой. — Никак не привыкну»

А вот девчушка, хоть и робела перед старшим братом не меньше, вела себя разумно. Всю дорогу она помогала матери нести тюки и ни на шаг не отпускала от себя перепуганного брата. Видно было, что нужда заставила её повзрослеть слишком рано.

Сяохун то и дело срывалась на бег, из последних сил стараясь не отстать от уходящих вперёд парней — больше всего на свете она боялась снова оказаться брошенной. Услышав её прерывистое дыхание, Ван Сюань покачал головой и придержал друга за плечо. Сами они, рослые и длинноногие, привыкли шагать размашисто и быстро, напрочь позабыв о хрупкой девчонке, которая едва поспевала за ними.

Заметив, что Гоудань вновь недовольно свёл брови, Ван Сюань испугался, как бы тот не вспылil. Он мягко отпустил его руку, вернулся назад и бережно взял маленькую ладошку

Сяохун в свою. За всё время пути Гоудань так и не проронил ни слова, обращённого к детям.

— Если идти по этой улице никуда не сворачивая, выйдешь прямиком к центру, — терпеливо объяснял Ван Сюань девочке, пока они шли по пыльной дороге. — Наши соседи держат овец и уток, а некоторые занимаются огородами, так что у них всегда можно купить свежей зелени.

— А вон там, видишь кирпичные пятиэтажки? Это дома дорожного управления, — продолжал он. — Чуть дальше — новый рынок. Там торгуют и рисом, и мясом, и овощами. Рядом есть хороший бакалейный магазин, я его тебе покажу. Постарайся всё хорошенько запомнить: маме трудно объясняться с незнакомцами, так что за покупками, скорее всего, придётся ходить тебе.

Немая тётушка не могла связать и двух слов, и торговцы на рынке вряд ли стали бы разбираться в её жестах. Вся надежда была на смышлённую Сяохун.

Первым делом они направились в универмаг. Там Ван Сюань выбрал плотную ткань — отмерил столько, чтобы хватило на пару добротных костюмов для каждого, — а также купил несколько тюков ваты и тёплые стёганные одеяла. На первое время, пока одежда ещё не сшита, ребятишкам и матери взяли готовые тёплые куртки — осень уже вовсю вступала в свои права, и утренние заморозки становились всё ощутимее. После этого зашли в лавку за солью, маслом, соевым соусом и уксусом, а также закупили внушительный запас зерна, которого должно было хватить как минимум на пару месяцев. Чтобы не тащить тяжести на себе, Гоудань приплатил возчику из лавки, и тот пообещал доставить всё прямо к дому на телеге.

К концу их похода кошелёк заметно опустел, зато узел вещей ломился от покупок. Ван Сюань невольно тревожился: когда они уедут в столицу, несчастная немая женщина с детьми останется в чужом городе совершенно одна. Случись что — и заступиться некому. Подумав об этом, он достал карандаш, аккуратно вывел на клочке бумаги ряд цифр и протянул его девочке.

— Вот, держи. Это номер телефона, по которому нас всегда можно найти в столице. Спрячь бумажку в надёжное место. Если случится беда или кто-то станет вас обижать, сразу беги на почту и звони нам. Поняла?

Сяохун робко кивнула и бережно прижала записку к груди. К счастью, при жизни отца она успела пару лет отходить в сельскую начальную школу, так что цифры разбирала без труда.

Когда телега с покупками разгрузилась у ворот, немая тётушка и вовсе растерялась. Она испуганно всплеснула руками и принялась отчаянно жестикулировать, показывая сыну, что всё это нужно вернуть в магазин, что негоже тратить на них такие деньжищи.

— Пользуйтесь и ни о чём не думайте, — остановил её Гоудань. — Ван Сюань — будущий врач, он осмотрел вас и сказал, что ваши тела истощены до предела. Если дети продолжают недоедать, они просто не вырастут здоровыми. А если тебе не сидится без дела, распаши пустующий клочок земли во дворе. До первых снегов ещё успеешь вырастить свежую зелень к столу.

Выслушав суровые, но полные скрытой заботы слова сына, мать беззвучно заплакала, утирая слёзы краем старого рукава. Спорить она больше не решилась.

Пока парни ходили по лавкам, немая тётушка успела до блеска вычистить дом. Теперь, когда привезли припасы и постели, их скромный быт был полностью устроен. Времени на долгие прощания не оставалось — Гоуданю и Ван Сюаню нужно было спешить на обратный рейс. Перед самым уходом Ван Сюань незаметно вложил в руку Сяохун триста юаней — огромные по тем временам деньги.

— Не голодайте и не экономьте на еде, — строго шепнул он девочке на прощание. — И чуть что — сразу звоните.

Когда они отошли уже на приличное расстояние от дома, Ван Сюань искоса взглянул на притихшего друга.

— Всё ещё изводишь себя? — тихо спросил он.

— Пока ничем больше помочь не могу, — вздохнул Гоудань. — Вот наступит следующий год, разберусь с делами в университете, тогда и решу, что с ними делать дальше.

— Еда у них есть, тёплая одежда тоже, колодец прямо во дворе. Первое время они вряд ли станут нос наружу показывать. Соседи здесь живут уединённо, люди вроде бы мирные, обижать сирот не станут. Ты сделал всё, что мог, Гоудань.

— Знаю, — коротко отозвался тот.

Вернувшись в деревню, Гоудань вкратце рассказал обо всём отцу, Ли Сы. Тот лишь молча слушал, глубоко затягиваясь дешёвым табаком.

— Ты тоже не забивай себе голову лишними думами, — добавил Гоудань, глядя на притихшего отца. — Живи как раньше, тебя это не коснётся.

На следующее утро Гоудань отсчитал отцу немного денег на расходы, и они с Ван Сюанем, наскоро собрав дорожные сумки, сели на автобус до уезда. Заглянув напоследок в своё городское жилище, парни так и застыли на пороге. Всего за одну ночь дом преобразился: полы были вымыты до блеска, а сами жильцы — чисто умыты и причёсаны. Не осталось и следа от недавней уличной грязи и убожества. Убедившись, что новоявленное семейство обживается на новом месте без лишних трудностей, Гоудань вздохнул с облегчением. Пробыв у них не больше получаса, парни поспешили на вокзал — их ждал скорый поезд до столицы.

Ноябрь принёс в северные края пронизывающий холод. Едва вернувшись в столицу, Гоудань с

головой ушёл в дела. Он лично объезжал все свои торговые точки, проводил инвентаризацию и заказывал новые партии товаров. Прошлый зимний сезон многому его научил: из-за нехватки опыта и плохой подготовки они упустили немало выгодных сделок. Теперь Гоудань отчётливо понимал, что его скромные накопления по столичным меркам — сушая капля в море, и до звания по-настоящему богатого человека ему ещё расти и расти. Жажда наживы подстёгивала его, и он готов был браться за любое прибыльное дело.

Ван Сюань тоже не сидел сложа руки. По выходным он неизменно отправлялся в свою лавку, где обустроил небольшой уголок для бесплатного приёма больных. Поначалу столичные жители относились к молодому целителю с недоверием, но постепенно потянулись первые пациенты. Помог один раз, другой — и сарафанное радио сделало своё дело. Вскоре к заветному прилавку выстраивались небольшие очереди. Правда, шли к нему в основном старики с застарелыми недугами; молодёжь при любой простуде предпочитала бежать в современные больницы и глотать фабричные таблетки.

Когда же по району разнёсся слух, что этот скромный парень — студент медицинского факультета престижнейшего столичного университета и изучает именно современную медицину, доверие к нему возросло стократно. Некоторые требовали выписать им модные заграничные лекарства, но Ван Сюань лишь терпеливо улыбался в ответ:

— Я пока ещё учусь, у меня нет ни диплома, ни лицензии, ни оборудования, чтобы проводить полноценные клинические обследования. Всё, что я могу предложить, — это проверить ваш пульс по канонам традиционной медицины да составить сбор из лечебных трав по собственному рецепту.

Как ни странно, эти импровизированные дежурства в лавке сблизили его с Гоуданем даже сильнее, чем раньше — теперь они проводили бок о бок почти все свободные часы. Лечебные мази и целебные пилюли, которые Ван Сюань катал вручную по старинным рецептам своего наставника, внезапно стали пользоваться бешеной популярностью. Парень увлечённо учился и одновременно зарабатывал первые самостоятельные деньги. Пускай его доходы не шли ни в какое сравнение с размахом торговой империи Гоуданя, само осознание того, что его знания приносят пользу людям, дарило ему ни с чем не сравнимую радость.

Ближе к концу месяца объявился Чэн Шу. Молодой барчук наконец-то соизволил вспомнить, что числится одним из учредителей их общего дела. С деланной заботой на лице он принялся расспрашивать Гоуданя, не нужно ли где подсобить или съездить по казённым делам. Гоудань лишь красноречиво закатил глаза.

— Если действительно хочешь загладить вину за своё безделье, — хмыкнул он, — сделай лучше вот что. Когда на том выкупленном с торгов пустыре достроят новые дома, помоги мне застолбить там квартиру.

Чэн Шу от удивления даже рот приоткрыл.

— Решил обзавестись собственным жильём? С чего вдруг? До женитьбы тебе ещё пахать и

пахать, к чему спешка? Да и разве тебя после выпуска не распределят обратно в провинцию? Зачем тебе недвижимость в столице?

— Меньше знаешь — крепче спишь, — отрезал Гоудань. — Я слышал от Янь Дунсюя, что проект только-только утвердили, а половину квартир уже расхватили по блату. Говорят, дома будут загляденье — дорогие, современные, со всеми удобствами.

Сам Гоудань с трудом представлял, как выглядит элитный жилой комплекс столичного уровня, но чутьё подсказывало ему: раз влиятельные господа бьются за эти метры, надо брать не задумываясь.

— В крайнем случае, если сами жить не захотим, продадим через пару лет и выручим кругленькую сумму, — добавил он.

Чэн Шу со стоном покачал головой:

— Ну и ну... У тебя все мысли только о наживе. Ладно, поспрашиваю у своих. Но учти, важные чины неохотно ведут дела со вчерашними школьниками.

Большинство застройщиков и инвесторов были из круга общения его семьи, но из-за солидной разницы в возрасте договориться с ними на равных было непросто.

— К тому же стоить эта роскошь будет бешеных денег, — предупредил Чэн Шу. — Ты точно всё взвесил?

Гоудань уверенно кивнул. Он уже не раз расспрашивал Янь Дунсюя и прикинул, что его сбережений вполне должно хватить. Старики всегда говорили: коли завелись монеты — вкладывай их в землю да в стены. Стать помещиком и скупать уголья советская власть сейчас не позволит, а вот крепкий собственный угол — милое дело.

Лежащие мёртвым грузом бумажки приплода не принесут, а недвижимость — вложение надёжное. Зато у них с Ван Сюанем появится своё настоящее гнездо в столице. Деньги дело наживное, заработают ещё, а если прижмёт — квартиру всегда можно выгодно сбыть с рук. К тому же сейчас, пока их временная прописка была привязана к университету, они считались полноправными жителями столицы и имели право на покупку жилья. Стоило упустить момент — и после распределения их мигом отправят обратно в глушь, забрав заветный столичный штамп из паспорта.

На ворчание Чэн Шу Гоудань не обращал никакого внимания. Главное, чтобы тот выполнил обещанное. Иметь под рукой такие связи и не воспользоваться ими — глупость несусветная.